

Категория длительности и служение Отечеству как каждодневный труд

© В.В. Плотников¹, А.Ю. Тумин²

¹Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, 350044, Россия

²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, 117437, Россия

Представлен анализ экзистенциального аспекта категории длительности применительно к идее служения Отечеству в русской философской традиции XX в. Показано, что в отличие от традиционного понимания патриотизма как единичного героического поступка русские мыслители (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.И. Шестов, А.Ф. Лосев и др.) рассматривали служение Родине как каждодневный труд, «невидимый подвиг», придающий человеческой жизни глубокий смысл и духовное содержание. На основе герменевтического анализа первоисточников продемонстрировано, что категория длительности выступает фундаментальной для понимания патриотизма, поскольку связывает индивидуальное бытие человека с длительным историческим существованием народа. Отмечено, что подлинный патриотизм предполагает творческое и ответственное отношение к повседневной жизни, преодоление рутины и осознание своего труда как духовного служения. Сделаны выводы, подчеркивающие актуальность представленного подхода для современной социальной философии и нравственного воспитания личности в условиях кризиса духовных ценностей.

Ключевые слова: патриотизм, служение Отечеству, русская философия, экзистенциализм, повседневность, духовное служение, творчество, социальная философия

Проблема патриотизма и служения Отечеству традиционно ассоциируется с героическими подвигами и исключительными моментами в истории. Однако в русской философской мысли XX в. формируется иное понимание: служение Родине рассматривается не как единичный героический акт, а как повседневный, длительный труд, придающий смысл человеческому существованию [1, с. 46]. Категория длительности — единства продолжительного времени, исторической преемственности и личного жизненного пути — оказывается ключевой для экзистенциального осмысления патриотизма. Ежедневное исполнение долга перед Родиной выступает как форма бытийного служения, через которое человек реализует себя и утверждает ценностное содержание своей жизни.

Проблема длительности относится к фундаментальным проблемам в философии времени и включает три основных аспекта. Онтологический аспект связан с необходимостью целостного понимания отношения принципа длительности к принципу существования как такового, а также к принципу изменчивости и, соответственно, к категориям возникновения и исчезновения. Здесь в конечном счете возникает вопрос о том, существует ли длительность на самом деле и что понимать под «на самом деле» в отношении длительности [2, с. 6]. Подобный вопрос расщепляется на ряд других: существует ли длительность безотносительно к человеческому существованию и человеческой способности к формированию субъективного образа реальности; существует ли длительность сама по себе в материальном мире или, может быть, существует нематериальная основа реальности (мира), для которой существует длительность? Вслед за онтологическим аспектом проблемы длительности идет гносеологический аспект [2, с. 7]. Здесь вопрос смещается в сторону определения механизмов по формированию способности созерцания длительности в сознании человека. Разработка этого вопроса последовательно приводит к двум фактам (заключениям). Во-первых, чувство (созерцание, переживание) длительности невозможно без памяти, и наоборот, память невозможна без чувства длительности, поскольку длительность связана с «удерживанием времени». Отсюда вне способности созерцания и переживания длительности невозможно познание. Во-вторых, вне длительности как формы созерцания и переживания реальности, оказывается, невозможно помыслить не только единичный познавательный акт и тем более целостный процесс познания, но и сознание в принципе [2, с. 46]. По крайней мере внедлительное, мгновенное сознание по отношению к человеческому сознанию воспринимается как нечто трансцендентное. Время как априорная форма чувственного созерцания, обнаруженная И. Кантом, является хорошим примером, раскрывающим содержание данного положения. Кант определял, что на самом деле время — это не то, что человек созерцает и воспринимает после того, как он есть, в том виде, в котором он есть, а время — это то, с помощью чего человек воспринимает реальность, в том числе и реальность себя самого [3, с. 137]. Без априорной способности созерцания времени не было бы ни внешнего, ни внутреннего опыта и не было бы сознания. Еще один аспект проблемы длительности — это исторический аспект. Особенности экспликации проблемы длительности сильно зависят от масштабов, в рамках которых рассматривается длительность. В философском дискурсе чаще всего историческая длительность берется в общечеловеческих масштабах, в масштабах длительности мировой истории [4, с. 8].

Дальнейшее увеличение масштабов длительности означает выход на уровень космологии. Еще одним полюсом масштабирования исторической длительности является уменьшение масштабов до уровня

индивидуальной историчности человеческого существования. Подобный аспект сильно сближает тематику исторической длительности с экзистенциальным подходом. В данном контексте длительность обнаруживается как некий ментальный принцип единства по отношению к временным и изменчивым состояниям. Через длительность открывается возможность удержать время и наделить изменчивость смыслом. Исторический аспект длительности состоит в том, что длительность представляет собой темпоральную категорию, с помощью которой оказывается возможным связать бытие единичного человека с историческим процессом, точно так же как длительность объединяет единичный момент времени с каким-либо временным интервалом или со всем временем.

Однако это еще не дает ответа на вопрос о природе длительности и о единстве переживания длительности. К данному вопросу обращались на протяжении всей истории философии. При всем многообразии подходов и контекстов можно выделить некоторую общую тенденцию в способе понимания длительности. Она состоит в том, что длительность имеет ментальную (в широком смысле этого слова) природу. Подобная точка зрения согласуется с аристотелевским пониманием времени как «числа движения» [5, с. 150], платоновской концепцией времени как «подвижного образа вечности» [4, с. 22], пониманием времени как формы «проявления мировой души» у Плотина [4, с. 44], с психологической концепцией времени Аврелия Августина [4, с. 55].

Обобщая результаты разработки проблемы времени в европейской философии (Кант, Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер и др.), можно сделать промежуточный вывод, что длительность как принцип реальности фундаментальным образом связана с сознанием. Время и сознание в феноменологии рассматриваются не как отдельные предметы философского исследования, а как два аспекта единого предмета [2, с. 90].

Опыт философского переосмысления длительности представлен в философии Анри Бергсона. Французский философ вводит понятие «реальная длительность», которое выражает сущность времени. Реальная длительность как «внутренняя мелодия души» противопоставляется внешней количественной и вместе с тем пространственной модели времени. В работе «Длительность и одновременность» Бергсон дает следующее определение длительности: «...длительность, по существу своему, есть продолжение того, чего нет более, в том, что есть» [4, с. 318].

Следует заметить, что идея ментальной природы длительности не означает, что в историческом споре между материалистической и идеалистической парадигмой философии поставлена точка. Категории сознания, духовности имеют место в каждой из указанных моделей описания реальности, но обладают совершенно различным онтологическим

статусом. Точно так же онтологический статус длительности зависит от теоретического подхода. В материализме, например, длительность может быть понята как всего лишь свойство сознания (памяти и воображения), при том что физически может не быть никакой длительности, а время будет, скорее всего, редуцировано к физическому времени, которое представляет собой математическую меру, теоретический конструкт, необходимый для решения практических задач, а не свойство реальности.

Определение чувства длительности в качестве условия смыслообразования реальности позволяет лучше понять концепцию длительного патриотизма, представленную в отечественной философии. Так, если рассматривать длительную практику с позиции осуществления человеческой деятельности и с позиции человеческого поступка, длительность приобретает личностный и экзистенциальный аспект. Однако если можно связать чувство патриотизма с определенным способом переживания времени, то нетрудно заметить, что перемены в способе отношения ко времени, в восприятии времени и переживании временности существования могут повлиять на патриотическое сознание как в лучшую, так и в худшую сторону. Неслучайно теократическая и по своей сути патриотическая концепция Аврелия Августина о соотношении Града Земного и Града Божьего является одной из первых развитых моделей историзма и опирается на тщательный анализ проблемы времени и истории [4, с. 59]. Напротив, атомизация времени, в том числе времени существования человека, выступает препятствием для формирования чувства единства, необходимого для патриотического сознания. Так, эпикурейская концепция атомизма, применяемая к материи и ко времени человеческого бытия, оказывается несовместимой с традиционными моделями патриотического сознания: эпикурейцы отстранялись от политики, и их девиз был «проживи жизнь незаметно».

Эпикур полагал, что вне границ единичного человеческого существования нет и не может быть ничего, что должно волновать человека, это распространяется даже на смерть (пока человек есть, смерти нет; когда наступит смерть, его уже не будет). Кроме того, во времени актуально только настоящее и, соответственно, актуальны только те чувства и переживания, которые в нем присутствуют. Отсюда эпикурейский подход актуализирует проблему присутствия в настоящем, вопрос полноты переживания существования, но при этом деактуализирует проблему переживания прошлого и будущего, рассматривая их в качестве источника тревог и волнений души, препятствующих достижению счастья.

Связь между способом переживания времени и чувством патриотизма и его воплощением в служении Отечеству, по мнению авторов настоящей статьи, является теоретической основой изучения патриотизма в обществе. Способ отношения ко времени выступает одним из

важнейших мировоззренческих оснований патриотизма. Таким образом, очерчивается самостоятельная исследовательская область — отношение человека ко времени, имеющая колоссальное практическое значение [6, 7]. Конкретизация разработки данной темы предполагает два основных направления: анализ факторов формирования определенного способа восприятия времени и отношения ко времени и конкретизацию зависимости между отношением ко времени и патриотическим сознанием.

Анализ факторов формирования способов восприятия времени и отношения ко времени предполагает привлечение философского контекста. Здесь следует рассмотреть проблему социокультурных и экзистенциальных детерминант чувства длительности.

Русские мыслители Николай Бердяев, Иван Ильин, Лев Шестов, Алексей Лосев и др. в своих трудах заложили основы экзистенциальной интерпретации категорий долга, времени и повседневности применительно к теме патриотизма [1, с. 46]. Н.А. Бердяев подчеркивал творческий характер любви к Родине, требующий созидательного труда во имя ее идеалов. Л.И. Шестов своим философским бунтом против абстрактных догм указывал на первичность личного переживания долга и верности, обретаемых в борьбе за смысл внутри обыденного существования. А.Ф. Лосев, прошедший через трагедии эпохи, определял понятие «Родина» как неотъемлемое основание человеческого бытия, без которого философия становится «наивной и ненужной» абстракцией. И.А. Ильин, один из самых последовательных проповедников идеи повседневного подвига во имя Отечества, в ряде своих работ развивал мысль о том, что любовь к Родине требует постоянного духовного труда над собой и над тем делом, которое человек выполняет в обществе.

В русской философской традиции оформляется концепция патриотизма как длительного служения — «каждодневного подвига», в котором сливаются воедино личностный смысл жизни и историческое бытие народа.

Категория длительности в отечественной философии связывается прежде всего с переживанием времени как непрерывной целостности бытия, выходящей за пределы мгновенных состояний. Экзистенциально это выражается в стремлении человека связать свою конечную жизнь с чем-то большим и долговечным — с Родиной, народом, историей, которые переживают индивида. Русские философы утверждали, что подлинный патриотизм немислим без такого горизонта длительности, который придает личному труду измерение бессмертия. Дмитрий Зайцев отмечал, что человек мыслит себя в горизонте потенциального бессмертия именно через отождествление с длительным бытием народа; это необходимо для его духовного здоровья. С этой точки зрения любовь к Отечеству — не мимолетный порыв, а постоянство в верности, проверенное временем.

Владимир Соловьев одним из первых в новой эпохе осмысляет патриотизм исторически и философски именно как явление, требующее соотнесения с высшими ценностями. В энциклопедической статье «Патриотизм» и цикле «Национальный вопрос в России» он критикует поверхностное обожествление своей нации и вводит различие между ложным и истинным патриотизмом [8, с. 26]. Такой подход философ называет псевдопатриотизмом или квасным патриотизмом (термины, которые позже будет использовать Лосев). Истинная любовь к Отечеству должна основываться не на уверенности, что «у нас все хорошо и так», а на стремлении сделать Родину лучше в свете высших идеалов добра и справедливости. «Народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а... сила, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование», — писал Соловьев [8, с. 27]. Иными словами, подлинный патриотизм пронизан трансценденцией: патриот служит своему народу, лишь если народ служит Богу или нравственному закону. В противном случае «верить в народ» как таковой означает верить в толпу, что лишено абсолютного смысла. Отсюда следует важный вывод: долг патриота — не просто сохранять существующее, а творчески устремлять народ к высшим ценностям. Настоящий патриотизм «не может остановиться на голом факте существования; он ищет истины» [8, с. 217].

Соловьев предвосхищает идею, развитую затем Бердяевым: любовь к Родине должна быть творческой. Она выражается в длительном историческом подвиге — созидании такого национального бытия, которое соответствовало бы идеалу всеобщего блага (в христианском понимании — Царства Божиего на земле). Это означает, что у Владимира Соловьева патриотизм мыслится не как единичный акт, а как процесс, развивающийся во времени и требующий постоянного духовного напряжения от поколения к поколению.

Николай Бердяев, представитель русского экзистенциально-христианского персонализма, в эссе «Судьба России» продолжил эту линию рассуждений. Период революций и войн поставил остро вопрос о судьбе Родины, и Бердяев настаивает: любить Родину — значит быть сопричастным ее исторической судьбе, принимать участие в ее духовном обновлении. Знаменитая формула Бердяева гласит: «Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой творческий исторический путь» [9, с. 101]. Любовь к Родине, по Бердяеву, не обусловлена ее текущими достоинствами или успехами — она безусловна, «произвольна и потому подобна религиозной вере». Однако такая любовь не пассивна: она императивно требует творчества. Бердяев пишет, что любовь к России «должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России» [9, с. 101]. Таким

образом, патриот не просто восхищается Родиной, но чувствует ответственность за то, чтобы сделать ее лучше — справедливее, благороднее, духовно богаче. В философии Бердяева это вытекает из общего принципа творчества как призвания человека. Он полагал, что человек создан по образу Творца, а потому призвание человека состоит в «со-творчестве» с Богом в отношении к миру. Творчество проявляется не только в искусстве или героических поступках, но и во всех сферах бытия человека, вплоть до культуры повседневности. В обыденном труде, в социальных практиках, в семейной жизни — везде человек может и должен быть творцом. Преломляя эти положения на патриотическую тему, Бердяев фактически утверждает, что каждодневный труд во имя Родины есть часть творческого призвания.

Такая позиция противостоит как официозному казенному патриотизму, так и космополитическому равнодушию. Бердяев отмечал, что в истории России были периоды, когда понятие Родины предавалось остракизму, высмеивалось как «буржуазный предрассудок». Он считал подобное «философским слабоумием», неспособным увидеть в любви к Родине одну из величайших ценностных категорий человеческого духа. В противовес этому Бердяев и близкие ему по духу мыслители пытались реабилитировать патриотизм, очистив его от шовинизма и придания себе ложного самоудовлетворения. Настоящий патриотизм для них — это эсхатологическое ожидание и одновременно процесс: вера в высокое предназначение Родины и многолетний созидательный труд ради его осуществления.

Категория длительности проявляется здесь как историческое время, необходимое для воплощения идеалов. Герой-одиночка одним рывком не может изменить судьбу страны; нужны усилия многих поколений, «длительное и устойчивое существование» общенациональных устремлений. Бердяев подчеркивал эту преемственность: творческий акт одного поколения — лишь звено в цепи, смысл которой раскрывается впоследствии. Поэтому служение Отечеству — это эстафета, в которой каждый участник несет ответственность перед прошлым и будущим. В работах Бердяева, как и Соловьева, патриотический долг обретает временное измерение: длительность означает верность, простирающуюся за горизонт личной жизни, соединяющую индивида с народом во времени.

Если длительность задает временной горизонт патриотизма, то повседневность определяет его конкретное содержание. Русские философы пришли к мысли, что истинное служение Родине совершается прежде всего в обычной, ежедневной жизни человека — в его труде, поведении, малых делах. Такая точка зрения резко контрастирует с романтизацией разовых подвигов.

Ильин писал: «Нельзя слепо воспринимать ежедневный труд как лишенную смысла работу по принуждению... Надо понять серьезный

смысл своей профессии и заботиться о ней во имя ее высокого смысла» [10, с. 121]. Эти слова, относящиеся не прямо к патриотизму, а к общечеловеческому отношению к труду, тем не менее непосредственно переносятся им на служение Родине. Философ отмечал, что многие склонны жаловаться на скуку будней, на однообразие жизни, однако вина лежит не на жизни, а на самих людях: «В жизни нет большего стыда, чем быть побежденным... серую повседневностью существования», — писал он. Лекарство от этой «серости» — искусство жить, т. е. умение наполнить будни творческим духом. Только полюбив свои будни и научившись видеть в них смысл, человек «заслужил радость праздника» [10, с. 121–125].

Применительно к патриотизму из этих рассуждений следует, что любовь к Родине проверяется именно буднями. Не праздными декларациями, не митинговыми эмоциями, а тем, как человек работает, выполняет свой долг каждый день, показывается его истинное отношение к Отечеству. Ильин прямо связывает понятия труда и служения: «Службу превратить в служение, работу — в творчество, интерес — во вдохновение, “дела” освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить идеей» [10, с. 125]. Здесь философ указывает путь трансформации повседневной деятельности: из механического исполнения обязанностей она должна перейти в разряд осмысленного служения высшему идеалу. Для человека, любящего Родину, его ежедневная работа — будь то обучение детей, возделывание поля, служба в армии или управление государством — перестает быть «галерной пыткой» и превращается в добровольный вклад в общее благо.

Находясь вдали от России, в эссе «Родина и мы» Ильин делится личным переживанием. Философ противопоставляет себя знакомому, чей «патриотизм питался повседневностью» и угас вдали от родных мест. А для Ильина любовь к Родине стала еще более осмысленной в изгнании: Родина для него — не просто место на карте, а живая духовная сущность, требующая верности и труда души. Такая любовь проявляется не декларативно, а через внутренний подвиг: сохранение верности Родине в сердце, непрестанная молитва о ней и готовность трудиться на ее благо даже на чужбине. Это подчеркивает мысль: служение Отечеству не ограничено физическим присутствием или определенными поступками, оно имеет характер повседневной духовной работы.

В одном из наставлений гражданам России Ильин писал своего рода молитву: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение... — я служу России. Не “маммоне” и не начальству... Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее качеству, ее величию, ее оправданию перед лицом Божиим» [11, с. 183]. Эти слова охватывают широкий спектр ежедневных ролей — будь человек рабочим, чиновником, ученым или священником, в каждой

из этих ипостасей он может помнить о высшем назначении своего труда для Родины. Здесь идея повседневного служения выражена предельно ясно: каждое дело — это кирпичик в здание Отечества, и потому его надо делать с сознанием долга и любовью.

Важно отметить, что подобное понимание усиливает экзистенциальный статус повседневности. Обычно экзистенциалисты (особенно западные, как Хайдеггер или Сартр) противопоставляли подлинное существование рутине, считая, что в рутине человек теряет себя в неаутентичности (попадая во власть *das Man*, «обезличенного «они»»). Русские религиозные мыслители стремились одухотворить повседневность, сделать ее сферой проявления личности и духа. Ильин учит «преображать изнутри» свои будни, наполнять их смыслом и радостью творчества. В результате ежедневный труд перестает быть тюрьмой абсурда, а становится путем к спасению души. Это прямое экзистенциальное преодоление абсурда повседневности, о котором позднее в ином ключе писал Камю. Но у Ильина опора — не личный бунт, а интеграция труда в высший замысел Божий о Родине и мире.

Сергей Булгаков, современник Ильина, развил близкие идеи о религиозном смысле хозяйственного труда. В его работе «Философия хозяйства» и статьях 1910-х годов утверждается, что экономическая и трудовая деятельность человека имеет духовное измерение. Булгаков настаивал: «...не будем гнушаться тем, что мы созданы Богом как существо трудоспособное» [12, с. 83]. Труд не проклят Богом, а, напротив, является способом раскрытия образа Божиего в человеке. После грехопадения тяжелый труд стал необходим, но через него человек совершает послушание Богу и исполняет обязанность нравственного долга. Булгаков прямо называет добросовестный труд — будь то земледелие или любая созидательная работа — формой «религиозного делания» и путем христианина к преодолению греха. Трудясь из любви к ближнему, человек преображает и материальный мир, и свою душу [12, с. 312].

Переноса логику Булгакова на понятие служения Отечеству, можно отметить, что ежедневный вклад человека в общее благо (хозяйственное, культурное, оборонное) — это и есть служение Богу через Родину. Булгаков вводит даже своего рода терапевтический мотив: в эпохи духовной болезни общества труд становится «горьким лекарством» от пороков праздности и эгоизма [13, с. 136]. Действительно, когда человек поглощен честным трудом на благо ближних и страны, у него меньше места для разрушительных страстей.

У Булгакова повседневный трудовой подвиг сплачивает людей, созидает культуру и служит моральному очищению — как самого труженика, так и общества в целом. Это перекликается с народным культом труженика (ударника, земледельца) в русской культурной

традиции: еще до советской идеологии прославления труда в православно-этике труд рассматривался как добродетель и служение ближнему. Русские философы начала XX в., переживая крушение прежних ценностей, искали опору именно в возвращении к этим основам — труду, семье, вере — как к столпам возрождения Родины.

Подводя промежуточный итог, отметим: ключевым результатом анализа стало выявление идеи повседневного патриотизма. В работах Ильина, Булгакова и отчасти Бердяева формируется образ «невидимого подвига» — тихого, ежедневного, но оттого не менее великого. Он противопоставляется как пассивности и апатии, так и ложному шумному патриотизму, который проявляется лишь на словах. Эта идея нашла отклик и развитие в последующей русской мысли. Например, в советский период идеологема «трудовой подвиг» стала массовой, хотя опиралась больше на материалистическое понимание. Тем не менее ее духовные корни — в дореволюционных философских исканиях.

Еще один существенный аспект, вскрытый русскими экзистенциальными мыслителями, — это личностный, свободный характер служения Отечеству. Патриотизм понимается ими не как навязанная коллективная идеология, а как экзистенциальный выбор человека, связанный с осознанием своего места в мире, своей идентичности и конечности жизни.

Лев Шестов, хотя не писал прямо о патриотизме, внес вклад в общее настроение русской философии, подчеркнув первичность индивидуального духовного опыта над отвлеченными моральными принципами [14]. В своем бунте против «самоочевидных истин» рационализма Шестов призывал вернуть философию к вопросам жизни и смерти, личной веры и отчаяния. Применительно к теме долга перед Родиной его позицию можно интерпретировать так: подлинный долг не может быть исполним просто из-за внешнего приказа или общественного давления — он должен быть принят душой, через преодоление внутренних сомнений и страха. Шестов отмечал трагический характер человеческого существования, в котором все абстрактные гарантии рушатся и человек остается один на один с Богом. В таком положении понятие долга тоже очищается до своего экзистенциального ядра: это уже не закон, навязанный извне, а призыв совести, исходящий из глубины личности.

В годы Первой мировой войны и революции Шестов (как и Бердяев) наблюдал крушение многих «вечных истин» — государства, морали, общественных устоев. Он видел, что патриотизм порой становится фанатичной идеологией, оправдывающей насилие. В одной из работ Шестов упоминает графа Толстого, который называл государственный патриотизм «психозом» и сам пережил духовный кризис, разочаровавшись в официальном долге. Шестов, вероятно, со-

чувствовал Толстому из-за того, что слепой патриотизм опасен. Но экзистенциальный подход позволяет не просто отвергнуть патриотизм, а переосмыслить его как «тяжкий свободный выбор». Человек должен решить, чему он придаст абсолютное значение — лишь своему спасению или еще чему-то вне себя. Если для него Родина становится такой ценностью, то это часть его экзистенциального самоопределения. И тогда верность Родине приобретает почти религиозный характер, становясь делом жизни и смерти (подобно вере, за которую мученики шли на смерть).

Алексей Лосев дал, пожалуй, наиболее сильное и необычное обоснование патриотизма именно в экзистенциальном ключе. Пройдя через унижения и гонения ГУЛАГа, ученый сохранил глубокую привязанность к Родине, которую понимал философски. В опубликованных воспоминаниях и очерках он пишет о Родине не просто как о ценности, а как об онтологической реальности, частью которой является человек. «Родина есть общее... реальное общее, которое меня реально породило с моим человеческим телом и душой... Здесь мой отец и мать... для личности моей отец и мать, и для духовной жизни моей родители и воспитатели» — утверждает Лосев [15, с. 89]. Эта фраза знаменует, по сути, метафизику Родины: индивид рассматривается как порождение не только биологических родителей, но и всего родного ему мира — языка, культуры, ландшафта, веры. Родина выступает как экзистенциальная данность, определяющая становление человека. Потерять Родину — значит потерять часть самого себя.

Из этого следуют два вывода. Во-первых, служить Родине — естественно, как заботиться о своих родителях: это ответное чувство благодарности за дар жизни. Во-вторых, если философия игнорирует эту связь, она теряет контакт с реальностью человека. Лосев делает радикальное заявление: «Всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия... ее “мир” и “бытие” — “пустота” и “тюрьма”» [15, с. 89]. Такая жесткая оценка подчеркивает, насколько он считал Родину основополагающей ценностью. По сути, Лосев вводит Родину в экзистенциальную категорию — наряду с бытием, сознанием, свободой. Это не просто политическое или социологическое понятие, а условие подлинной осмысленности человеческого существования.

В философии Лосева присутствует отзвук соборности — концепции всеединства, развитой еще славянофилами. Он пишет, что Родина — «физически и социально общее», не сводимое к отвлеченному понятию. Эта мысль перекликается с идеей единства поколения и рода во времени, где, проживая свою жизнь, мы продлеваем жизнь рода. Получается, что через принадлежность к Родине индивид преодолевает свою конечность — он включается в длительность исторической жизни народа.

Здесь вновь всплывает категория длительности, но уже на уровне онтологии личности: личность укоренена во времени большего целого.

Экзистенциальный выбор человека — быть патриотом или нет — предстает у Лосева выбором между полнотой бытия и отчуждением, духовным сиротством. Он сам, несмотря на все поводы обидеться на государство, выбрал первое. Любовь к Родине для него стала осознанной добродетелью, прочно встроенной в мировоззрение. Это подтверждает награда Лосева в 1983 г. орденом Трудового Красного Знамени — символическое признание государством его «каждодневного подвига» ученого, сохранившего верность родной культуре и науке даже в тяжелейших условиях.

Результаты анализа показывают, что русские философы развили целостную концепцию служения Отечеству как длительного, ежедневного и свободно принимаемого труда. В ней:

1) длительность обеспечивает связь поколений и вклад личности в непрерывность народного бытия;

2) повседневность становится главным пространством реализации патриотического долга через творческий труд и нравственное поведение;

3) экзистенциальность выражается в том, что любовь к Родине понимается как осмысленный жизненный выбор, питаемый духовными убеждениями, а не конъюнктурой.

Далее эти идеи будут подвергнуты обсуждению с точки зрения их значения для социальной философии и актуальности сегодня.

Полученные результаты свидетельствуют, что русская философская традиция дала оригинальное толкование патриотизма, отличное как от обыденного понимания, так и от западноевропейских подходов. В центре этого толкования — духовно-нравственное измерение патриотического долга, осмысленного через призму экзистенциальной философии. Обсудим несколько ключевых моментов и их значение.

Патриотизм как духовный подвиг длиной в жизнь. Соловьев и Ильин показали, что любовь к Родине не должна ограничиваться вспышкой энтузиазма в критический момент (война, революция), но должна выдерживать проверку временем и рутинной. Таким образом, понятие долга перед Отечеством приближается к религиозному понятию подвига. В православной традиции подвиг — это длительное стояние в вере, часто незрелищное, сокровенное. Аналогично, патриотический подвиг может совершаться «втайне», без фанфар, когда человек годами честно выполняет свой труд ради блага семьи и страны. Такая перспектива расширяет привычные рамки патриотизма. Она позволяет ценностно осмыслить вклад учителя, врача, крестьянина — людей, которые не совершают геройств на поле боя, но чья жизнь, по сути, является служением народу. В социально-философском плане это создает этику повседневного гражданства, где патриот — каждый

добропорядочный гражданин, осознающий ответственность за ближних и страну. Особенно актуально это для мирного времени, когда нет внешнего врага, но есть потребность в созидании. Русские мыслители предложили модель патриотизма, применимую вне экстремальных ситуаций: патриотизм созидательный, выражающийся в кропотливом улучшении своей страны.

Соотношение личного и общего: от самопожертвования к сотворчеству. Традиционная доблесть предполагает готовность жертвовать собой ради Родины. Экзистенциальное переосмысление не отменяет этой готовности, но акцент смещается: важна не только способность умереть за Родину, но и способность жить для Родины. Причем жить полноценной, творческой жизнью. Бердяевская идея творчества в быту превращает патриотизм из обязанности, часто тягостной, в позитивный проект самореализации личности через служение. Человек, работая на благо своей страны, не исчезает в коллективе, а, напротив, находит себя, свою личную миссию. Здесь проявляется тонкий момент: русские религиозные философы стремились объединить личностное и общенациональное начала. Например, Бердяев, признавая ценность личности (он называл себя персоналистом), одновременно утверждал необходимость соборного творчества — совместного делания, где каждый уникален, но все объединены общей любовью. В патриотизме они увидели как раз такую сферу синтеза: любовь к Родине, если она истинна, не подавляет личность (как в тоталитарном национализме), а возвышает ее, придавая ей смысл. Этот вывод важен для социальной этики: он показывает, что патриотизм совместим с идеей прав и достоинства личности. Более того, у Соловьева и Бердяева служение Родине осмыслено как реализация высшего достоинства — быть носителем универсальных истин на национальной почве. Таким образом, идеал патриота — рыцарь духа, одновременно верный своему народу и воплощающий общечеловеческое добро. Такой патриотизм далек от шовинизма или агрессии; он скорее сродни монашескому служению, только в миру.

Критика ложного патриотизма. Практически все рассмотренные авторы различали подлинный и ложный патриотизм, что сохраняет актуальность сегодня. Ложный — это показной, декларативный, часто агрессивный национализм, прикрывающий духовную пустоту. Соловьев употребил выражение «идолопоклонство своего народа», а Лосев спустя десятилетия крайне резко осудил советское очернительство Родины как обратную сторону той же медали — потерю веры в ее святость. В настоящее время, когда идеи патриотизма подчас используются политически, важно помнить эти предостережения. Русская философия учит, что патриотизм без духовного содержания вырождается либо в фанатизм, либо в цинизм. В обоих случаях он не

способствует ни личности, ни обществу. Только наполнение патриотизма реальным нравственным смыслом (стремлением к истине, справедливости, служением высшему) делает его созидательной силой. В этом смысле экзистенциальный подход — хорошее противоядие от манипуляций патриотическими чувствами. Когда человек сам, внутренне решает быть верным Родине, осознавая почему и зачем, им труднее управлять через пропаганду. Его патриотизм укоренен в личной совести, а не во внешних лозунгах. Следовательно, формирование такого осознанного патриотизма — задача воспитания и культуры, о чем писал еще Ильин, подчеркивая роль пробуждения личности к духовному опыту в воспитании чувства долга.

Экзистенциализм по-русски: связь с верой и бессмертием.

Отличительная особенность рассматриваемых идей — их тесная связь с религиозной верой. В то время как западный экзистенциализм (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, А. Камю) либо проблематизировал веру, либо отстранялся от нее, русские мыслители интегрировали экзистенциальные категории в христианский мирообраз. Потому служение Родине у них приобретает не только социальный, но и метафизический смысл. Фактически Родина мыслится как часть божественного замысла о человеке. Ильин прямо пишет об оправдании России перед лицом Божиим, т. е. Родина имеет предназначение, ответственность перед Богом. А значит, служа ей, человек участвует в деле Провидения. Этот религиозный пафос очень важен: он возвышает длительный труд до уровня священного делания. Здесь можно усмотреть влияние славянофильской идеи «Москва — Третий Рим» (Россия как носительница особой духовной миссии). Бердяев, например, писал о русском мессианстве (книга «Русская идея»). Однако экзистенциально важнее другое: вера в бессмертие души и в вечность дает основание не впадать в отчаяние от медленных результатов труда. Если жизнь не заканчивается со смертью, то и труд во имя добра не пропадет — он имеет эсхатологический смысл. Для патриота это означает веру в то, что его служение — часть непрерывающегося потока жизни народа, которую хранит и направляет Бог. Такой взгляд давал утешение эмигрантам (Ильину, Бердяеву): они верили, что Россия воскреснет, и работали мыслью и пером ежедневно, готовя духовное возрождение.

Актуальность идеи каждодневного служения. В современном обществе, где высок уровень стрессов и разочарований, идея находить смысл в ежедневном труде на благо других звучит особенно утешительно. Экзистенциальный вакуум нередко ощущается людьми, которые не видят результат своего труда или не чувствуют его значимости. Русская философия патриотизма дает ясный ответ: смысл не в мгновенном результате, а в самой направленности труда

во благо. Как писал Ильин, «радость должна, однако, вырастать из повседневного труда, пусть даже только в том смысле, что трудишься все лучше и лучше, повышаешь качество своего труда, перемещаясь тем самым вверх по ступеням совершенствования» [16, с. 6]. Так автор выражает свою мысль о том, что источником радости может быть повседневный труд, помогающий человеку реализовать творческий потенциал. Перенеся это на общественный уровень, можно отметить, что гражданское общество крепнет не только яркими реформами, но и ежедневной работой миллионов — от дворника до министра — с осознанием, что их старание делает Родину чище, умнее, гуманнее. Развитие такого сознания — задача непростая, требующая морального воспитания и примера лидеров. Но исторический опыт (например, мобилизация общества в годы индустриализации или Великой Отечественной войны) показывает, что когда цель ясно видна и разделяется как общенациональная, люди готовы терпеть лишения и самоотверженно трудиться длительное время. Сегодня, в более мирных условиях, важно заменить экстремальную мотивацию на осознанно-нравственную: трудиться на совесть не под страхом или из фанатизма, а по велению сердца и ума.

Вышеупомянутые философы предоставляют богатый материал для разработки идеологии «тихого патриотизма», который мог бы объединять общество на позитивной основе.

Вместе с тем рассмотрим ограничения данной концепции. Скептик мог бы заметить, что такой «возвышенный» патриотизм слишком идеалистичен и трудноприменим, ведь не каждый человек склонен рассматривать свою ежедневную работу как духовное делание. Здесь кроется задача для философов и просветителей: как сделать так, чтобы эти идеи не остались достоянием немногих интеллектуалов. Возможно, ключ в том, чтобы связывать патриотизм с конкретными ценностями, близкими каждому: семьей, домом, природой своего края. Ведь любовь к Родине начинается с любви к малой родине — месту, где человек родился и вырос. Русские мыслители об этом тоже писали (например, Соловьев отмечал ослабление родового патриотизма в городе). Привитие уважения к малой родине и понимание ее связи с большим Отечеством могло бы уплотнить экзистенциальный опыт патриотизма у широкой аудитории.

Еще одно ограничение: опасность, что патриотический долг, растянутый на всю жизнь, может выродиться в формализм и самодовольство: «я честно работаю, плачу налоги, большего не требуется». Отчасти это уже противоположная крайность — рутинная без порыва. Философы предлагали противоядие: постоянное устремление к идеалу. Ильин писал о необходимости повышать качество труда, Соловьев — о стремлении к истине и совершенству. Таким образом, долг не статичен, он всегда вызывает потребность к превышению достигнутого.

Здесь важно удерживать баланс между удовлетворением от честно исполненного дела и неудовлетворенностью, толкающей к развитию. В экзистенциальном плане это соответствует сочетанию смирения и дерзновения. Смирение — принимать ограничения текущей жизни, дерзновение — мечтать о большем для Родины и трудиться ради этой мечты.

Наконец, следует отметить, что тема длительности также имеет трагическое измерение: не каждому поколению дано увидеть плоды своего служения. Бывает, что усилия кажутся напрасными на фоне социального распада или внешних катастроф. Здесь на помощь опять приходит религиозно-экзистенциальная надежда, характерная для русской философии. Она учит, что ни один добрый труд не пропадает втуне: если не в истории, то в метаистории он будет оправдан. Как писал Бердяев, история непредсказуема, но творческий акт человека имеет абсолютную ценность сам по себе. Это утешение для тех, кто служит в трудные времена.

Экзистенциальный аспект категории длительности, раскрытый через понятие каждодневного служения Отечеству, обогатил социальную философию идеей о значимости внутренней мотивации и духовного содержания патриотизма. Русские мыслители показали, что патриотизм — это не столько идеи о политике или войне, сколько о смысле жизни человека в контексте его народа. Такой подход универсален и может быть применен за пределами русской культуры, поскольку отвечает на фундаментальный вопрос: как связать личное существование с «большим временем» истории и не потерять себя. Для России, с ее непростой историей, эта философия служения стала частью национального самосознания, влияющего на литературу, педагогические практики и общественную мысль в XX в.

В статье было рассмотрено, как категория длительности соотносится с идеей служения Родине, это не геройский эпизод, а постоянный, незаметный, но экзистенциально значимый труд. Анализ работ В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.И. Шестова, А.Ф. Loseва и др. позволил выявить ключевые положения русской социально-философской мысли на этот счет.

Во-первых, истинный патриотизм понимается как длительная верность высшим идеалам, воплощаемым в судьбе Родины; такая верность требует от человека каждодневных усилий и преодоления рутины.

Во-вторых, ежедневный труд обретает статус духовного служения — через него человек одновременно приносит пользу обществу и осуществляет свое предназначение, достигая личной осмысленности бытия.

В-третьих, любовь к Родине предстает экзистенциальным выбором, связанным с идентичностью и ценностями личности: это любовь

творческая, ответственная и смиренно принимающая жертвы. Русские философы подчеркивали, что без духовного наполнения патриотизм вырождается, а потому призывали к воспитанию в каждом человеке сознания своего долга перед историческим и духовным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Катасонов В.Н. Патриотизм как духовная ценность в русской философии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского университета*, 2020, № 62, с. 45–59.
- [2] Плотников В.В. *Онтологические и теоретико-познавательные основания феномена времени: Дис. ... канд. филос. наук*. Ростов-на-Дону, 2009, 132 с.
- [3] Кант И. *Критика чистого разума*. Москва, Литература, 1998, 736 с.
- [4] Гайденок П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке*. Москва, Прогресс-Традиция, 2006, 464 с.
- [5] Аристотель. *Сочинения. В 4 т. Т. 3*. Москва, Мысль, 1981, 613 с.
- [6] Плотников В.В. Концептуальный анализ как методологическое основание «философии процесса». *Философия и наука в условиях глобальных изменений. Сборник научных статей, посвященный 55-летию со дня образования кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета*. Краснодар, Новация, 2018, с. 40–53.
- [7] Плотников В.В. Категория времени в онтологии права. *Общество и право*, 2022, № 4, с. 127–131.
- [8] Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. *Сочинения. В 2 т. Т. 2*. Санкт-Петербург, Издательство товарищества «Просвещение», 1911, 415 с.
- [9] Бердяев Н.А. *Судьба России: опыты по психологии войны и национальности*. Москва, Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918, 240 с.
- [10] Ильин И.А. *Путь к очевидности. Сборник статей*. Москва, Республика, 1993, 447 с.
- [11] Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1848–1954 гг. О воспитании в грядущей России II. *Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Кн. 2*. Москва, Русская книга, 1993, 480 с.
- [12] Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. Москва, Наука, 2008, 551 с.
- [13] Булгаков С.Н. Христианская социология. *Социологические исследования*, 1993, № 10, с. 120–149.
- [14] Шестов Л.И. *Достоевский и Ницше. Философия трагедии*. Санкт-Петербург, Шиповник, 1903, 304 с.
- [15] Катасонов В.Н. Алексей Федорович Лосев о жизни и о Родине. *Родная Ладога*, 2018, № 4, с. 82–89.
- [16] Ильин И.А. *Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий*. Москва, Эксмо, 2007, 526 с.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Плотников В.В., Тумин А.Ю. Категория длительности и служение Отечеству как каждодневный труд. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 3. EDN YCAAER

Плотников Валерий Валерьевич — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.
e-mail: inkognito13@inbox.ru

Тумин Александр Юрьевич — канд. юрид. наук, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
e-mail: tumin-msk@mail.ru